

*Перечитал свой дневник времён создания фильма «Всё впереди», написанный в 1990 году и неожиданно обнаруженный тридцать лет спустя. Разбирая расплывчатые буквы, размытые водяными пятнами небрежного загородного хранения в зимних условиях, я решил воскресить в памяти историю создания картины, благо время ложно-эпидемической насильственной «самоизоляции» располагает к писательскому труду.*

Толчок к решению поставить этот фильм произошёл в светлые майские дни 1988 года в момент всенародного воодушевления – проведения третьего, в возрождающейся России, Праздника Славянской письменности и культуры, состоявшегося в Великом Новгороде. Промысел Божий соединил меня в одном купе с выдающимися писателями Виктором Астафьевым, Василием Беловым и Валентином Распутиным. Поезд, направлявшийся в Великий Новгород, был целиком предоставлен участникам праздника. В нашем купейном вагоне ехали Вячеслав Клыков, Юрий Бондарев, Виктор Проскурин, Владимир Крупин, Татьяна Петрова... В соседнем вагоне – Сергей Бондарчук с Ириной Скобцевой, Георгий Жжёнов... Всех трудно перечислить: лучшие певцы и хоры России, выдающиеся художники, кинематографисты, литераторы и музыканты – весь цвет Русской, Славянской культуры. Лежал, покачиваясь на верхней полке, смотрел на беседующих за рюмочкой Астафьева и Белова и думал: а если кто-то вдруг решит подорвать этот культурный десант..?

Неожиданно мой старый знакомый – оператор Анатолий Заболоцкий – сообщил мне о том, что роман Белова «Всё впереди» (распинаемый в СМИ критикой «пятой колонны», параллельно с распятием моего «Лермонтова») куплен объединением Виктора Турова на киностудии «Беларусьфильм». Права на экранизацию приобретены, а снимать некому: режиссёры боятся выйти под обстрел русофобской стаи.

Через несколько дней судьба свела меня в Минске с Виктором Туровым, и я сказал ему, что готов поставить фильм «Всё впереди». В ответ услышал: «Тебе – дам!»

И я приступил к постановке. Оператором, естественно, пригласил А. Заболоцкого, друга Василия Белова, поскольку именно он сообщил мне о возможности экранизации романа. Пригласил лучшего художника-постановщика «Беларусьфильма» Евгения Игнатьева и сценариста Михаила Шелехова, с которым мы быстро написали сценарий по мотивам романа. Написанное нами довольно основательно переработало роман, адаптируя его в кинопроизведение. С трепетом отправили сценарий

автору романа, ожидая от него резкой критики. Авторы часто в штыки принимают перевод на киноязык своих творений. Помню, как протестовал Владимир Богомолов против вторжения в его рассказ «Иван» авторов сценария «Иваново детство» Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского. Какие тогда на «Мосфильме» бушевали страсти: зачем намёки на военно-полевые отношения лейтенанта Гальцева, Маши и капитана Холина? Зачем какие-то сны Ивана, почему он в фильме погибает?..

Неожиданно мы получили из Вологды от нашего автора положительную реакцию на сценарий «по мотивам». Автор, слава богу, умный человек, понимающий, что литература и кино – искусства разные.

Были у меня намерения самому сыграть главную роль Медведева, но против этого восстали мои «соратники». Начались пробы. Два кандидата на главные роли для меня были ясны. Иванова будет играть Владимир Гостюхин, в роле Любы я изначально видел Татьяну Петрову. На роль Медведева я утвердил Вадима Спиридонова. Встретился с ним в Москве, объявил о его утверждении. Поставил условие:

– Ты будешь играть православного человека. Нужно завязать с алкоголем и курением, так как это отражается на лице. Советую сходить в храм, исповедаться и причаститься...

– Что ж я – такой уж грешник? – улыбнулся Вадим. И пообещал сделать то, о чём я его просил.

Перед началом съёмки я сказал оператору Анатолию Заболоцкому и художнику Евгению Игнатьеву:

– Через две недели мы выйдем на площадку, начнём работу. Нам с Толей придётся встать за камерой, а я, признаюсь, боюсь этого момента. Не представляю, как мы с ним будем сотрудничать, когда я ощущаю его негативное отношение ко всему, что я говорю.

– Это нормально, – ответил Анатолий, – иначе фильм будет слишком твоим личностным.

– Если фильм не станет моим, он вообще будет ничьим, – сказал я.

*3 января 1990 года.*

Перед отъездом в Москву на встречу Нового года посмотрели первый отснятый материал. То, чего я опасался, – случилось. Оператор, игнорируя режиссёрскую волю, снимает своё самостийное кино: панорамы и крупности (точнее, общности), которые мне придётся или переснимать, или выкидывать в корзину. Я решил объясниться с Анатолием. После просмотра отснятого материала мы собрались вчетвером: я, автор сценария Миша Шелехов, художник Игнатьев и оператор Заболоцкий. Шелехов мягко пытался найти компромисс со снятым изображением. Прямой Игнатьев заявил категорично: «Под этим материалом я не подписываюсь. Главная наша ошибка в том, что мы не готовы к съёмкам. Мы ни разу не оговаривали наше общее видение фильма. Предлагаю остановить картину и подготовиться к ней или – закрыть как не состоявшуюся работу, дабы не позорить Белова и его роман». Я задал Заболоцкому вопрос: «Что ты скажешь о материале?» Он ответил, что всё нормально, надо лишь доснять несколько планов и кое-что переснять.

– Хотя и страшно мне сейчас открывать рот, – сказал я, – но это – и не мой материал.

Меня колотил озноб, на душе было муторно. Мы ни разу не оговаривали ни стилистику, ни изобразительную эстетику фильма, словно опасаясь вторгаться в Толино сокровенное видение, дабы не ранить его самолюбия.

Выходя на площадку, я втайне надеялся, что Толя и Евгений Игнатьев – старые друзья – выработают общность изобразительной эстетики. И вот – Игнатьев тоже не хочет «подписываться» под тем, что наснимал Анатолий.

На каждый объект я приносил своё видение эпизода и подробные раскадровки, которые лишь дважды в присутствии Игнатьева мне удалось озвучить. Потом Толя, сквозь пальцы, по кривой и не до конца, скользил по моим зарисовкам, отбрасывал их и делал своё, отдельное кино. Когда я посмел попросить его снять крупный план актёра, сказав: «Мне нужен крупный план», в ответ, словно пощёчину получил: «ТЕБЕ нужен!?»

После просмотра я сказал соратникам:

– У нас есть три пути. Первый – учитывая порыв оператора в режиссуру, Анатолий напишет заявление: «Прошу назначить меня режиссёром-постановщиком фильма “Всё впереди”», а я напишу встречное заявление с просьбой освободить меня от обязанностей режиссёра-постановщика. Второй путь – Анатолий признает, что на картине существует режиссёр и начнёт уважительно относиться к режиссёрским решениям. Третий путь... Ты, Толя, неоднократно принародно заявлял о том, что ты

«не оператор, не камер-мен». Если у тебя такая нелюбовь к профессии, решающей изобразительную суть картины, становись режиссёром, соавтором и пригласи оператора, который будет любить свою профессию и уважительно относиться к тебе – режиссёру.

Впрочем, я принимаю на себя вину в том, что позволил самостоятельное, «подпольное творчество» оператора, не настоял на выработке нашим трио общей эстетики фильма, день за днём отдавал создание фильма на волю Анатолия, забывая о том, что в итоге – мне отвечать за всё: за уровень фильма и за работу оператора.

На следующий день снова говорили втроём в комнате Игнатьева и вдвоём с Толей у меня. Толя постоянно твердил: «Не надо драматизировать, всё нормально, надо лишь доснять, смонтировать...» Он превращал беседу в перепалку по мелочам, втягивая в это и нас. Я всё больше приходил к выводу – общего языка с оператором и его уважения мне не обрести, а заниматься с ним «нанайской борьбой», окончательно губя картину, – дело бесперспективное, не творческое и обескряливающее. Если темно и зло на душе – эта тьма и агрессивность проявятся и на экране.

Пришлось принять и ещё один неожиданный и сильнейший удар. В первый съёмочный день Вадима Спиридонова, утверждённого мною на главную роль Медведева, я приехал на студию к 10 часам, понимая, что раньше Вадим не будет готов: пока с поезда заедет в гостиницу, пока позавтракает, оденется в костюмерной, загримируется... Ассистентка вбежала в мой кабинет и сообщила, что Вадим Спиридонов вчера взял билет на поезд в Минск, перед отъездом на вокзал прилёг отдохнуть и уже не встал... Наступила смерть.

Ах, Вадим, Вадим!.. Что же ты наделал? Ты обещал мне сделать то, что стало бы твоим спасением!.. Прощай!.. Царство тебе Небесное!

Руководство студии малым, но решающим составом посмотрело материал, и все пришли к выводу, что всё идёт нормально, с некоторыми поправимыми моментами. Виктор Туров сказал, что Михаил Ромм всегда переснимал первые 400 метров. Игнатьев высказал свои робкие сомнения. Миша Шелехов говорил откровенно и резко. В конце обратились ко мне. Я сказал, что уважаю всех собравшихся и своих товарищей по группе, независимо от того, дойдёт или не дойдёт кто-либо из нас до конца производства фильма, но если мы и дальше покатымся по тем же рельсам – мы придём к полному провалу. Я высказал всё беспокоящее меня.

Беседу с Анатолием и Игнатьевым продолжили в моём кабинете. Я первый раз был строг со своими соратниками. Сказал Анатолию, чтобы он завязывал с режиссурой нашего фильма и не помышлял монтировать картину за меня или вместе со мной. Потребовал, чтобы он немедленно выписал операторский «стедикам» и тренировался с ним к предстоящим эпизодам. Как обычно, Толя начал возражать, но я оборвал его:

– Спорить с тобой я не намерен. Отныне я не буду тебя умолять, но требовать то, что необходимо для фильма.

В этот же день принял решение о замене двух актёров: безвременно покинувшего мир Вадима Спиридонова и Алексея Локтева, не удовлетворяющего меня в роли Зуева. Переговорил по телефону с Борисом Невзоровым, который был вторым основным претендентом на роль Медведева. Следом позвонил Сергею Сазонтьеву, прошедшему пробы на роль Зуева, и сообщил о его утверждении. И тот и другой словно ожидали моего звонка, с радостью согласились сниматься.

*6 января.*

Утром в мой кабинет зашёл Игнатьев и объявил:

– Я не работать пришёл, а с просьбой отпустить меня с картины.

– Тогда я тоже ухожу, – сказал я, – без вас мне тут тем более не справиться.

Потом в течение четырёх часов мы втроём доходили до самого донца отчаяния, чтобы потом начать попытку выплывания. Я высказал всё, что думал, без утайки, спокойно и твёрдо. Сказал, что при таком отношении Анатолия я не справлюсь с картиной, что готов уступить своё место тому, кому доверяет Толя, или он должен поискать себе замену. Сказал, что отныне я потребую полного доверия и буду строг в работе.

*9 января.*

Два дня наслаждался за городом общением с дочерью Машенькой, расслабляясь и укрепляя свои душевные силы. Казалось, никого нам с нею не надо: гуляли по зимней пороше, кормил её, читал

ей книжки, сидя у камина с собакой Чудиком. Любовались нарядной ёлкой, беседовали, рисовали – «Наисуй мне кищку!» Купал её перед сном, пел колыбельную. При свете лампадки сочинял сказки, рифмуя на ходу... Господи, благослови мою доченьку, научи её всё принимать мудрым сердечком, дай силы выстоять под неизбежными ударами судьбы.

*13 января.*

Третий день готовимся к съёмкам зимней природы под Москвой, в окрестностях Протвино. Нашли избу, кладбище для проходов героев. Поджидая актёров Гостюхина и Невзорова, разговаривали с Игнатьевым и Толей на новых основаниях.

*15 января.*

Весь день промерзали на 25-градусном морозе, но отсняли почти всё, кроме одного плана. Володя Гостюхин, прилетев из Италии (со съёмки у Михалкова) простуженным, как истый профессионал, околевав в лёгкой обуви, не уходил греться, дабы не таял иней на усах. Борис Невзоров тоже прибыл не в полной форме, явно после спиртной инъекции и бессонной ночи. Его виноватые глаза молили меня о пощаде. Я не винил его, понимая, что за 3–4 часа до начала съёмок он обретёт форму. Однако вечером, оставшись наедине, я вновь попросил Бориса воздержаться от алкоголя до окончания съёмки.

Из Минска пришли тревожные вести: ОТК забраковало всё снятое в «квартире Бриша». Ассистент прибыл из Москвы без ожидаемой мной Клыковской скульптуры Сергея Радонежского, отлитой по моей просьбе для фильма, но экстренно отданной в качестве приза Борису Карпову за фильм «Под благодатным покровом». Карпов до банкета обещал моему ассистенту передать скульптуру, но по окончании трапезы отказался отсылать нам свой прекрасный приз. Не скрою, что не ожидал этого от своего соратника. Господи! Не дай мне осуждать брата моего! Открыл Евангелие и прочёл: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши». И всё-таки, несмотря на брак, на тревогу за работу оператора, на отсутствие необходимого мне Сергея Радонежского, – я верю в победу.

*16 января.*

Весь день снимали зимние пейзажи. Уже не так холодно: всего минус 7. Погода идеальная для фильма: ровная, серая, без солнца зима, с киногеничным снегопадом. Вовремя прибыл пиротехник с дымами, украсив кадр розовым туманом. Привёз всего пять шашек, три использовали на проход Медведева, завтра добьём ещё две на лошадь в тумане.

Вечером с Борисом Невзоровым и Володей Гостюхиным смотрели у меня телевизор, пили чай, перебрасываясь словами, притираясь друг к другу. Из Минска сообщили, что передадут нам с проводником поезда деревянную статую Сергея Радонежского, вырезанную для нас скульптором М. Матвеевым.

*17 января.*

Снимали лошадь с мужиком в красном тумане. Задымили так, что неизвестно, что мы увидим на экране.

Вечером смотрели материал, доставленный из Минска. Ожидал очередного провала, но Господь судил иначе. Пригласил, невзирая на протест Игнатьева, на просмотр всех желающих членов киногруппы. Пришли все и смотрели в полной тишине. На сей раз изображение не только не отталкивало меня, напротив, оно было интересно в большинстве кадров. Видел, как я из этого буду монтировать эпизоды. Есть удачные портреты героев: хороша Татьяна Петрова, робевшая поначалу, – есть надежда на доведение её образа до нужной кондиции. Интересен Гостюхин, хорош Аристарх Ливанов в роли Бриша, хороша девочка, дочка Татьяны Петровой, необычна Лариса Удовиченко. Сердце радовалось – актёрский ансамбль выбран верно. С просмотра группа шла в приподнятом настроении. Вечером сидели с Борисом и Володей у меня, говорили об увиденном материале, о завтрашней сцене... Простились тепло. Забрехала искра надежды.

Как всегда, перед сном раскрыл Евангелие: «Сыну Человеческому надлежит быть преданным в руки грешников и быть распятым, и воскреснуть в третий день». «И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех».

*22 января.*

Последний съёмочный день в Протвино до 16 часов не могли начать работу, пытаюсь подогнать по мокрому снегу к даче технику. Зато потом до 21 часа, один за другим, отсняли в двух избах 14 план, работая в лёгкой атмосфере и закончив день не испытывая усталости.

В 8 часов утра двинулись автоколонной через Москву в Радонеж, где сняли у Клыковского памятника преподобному Сергию.

*24 января.*

Впервые на съёмочной площадке я повысил голос на Анатолия, который с 10 до 17 часов пытался наладить «стедикам», на глазах у готовых к работе актёров: Гостюхина, Невзорова, Удовиченко, Сазонтьева. Потом, без согласования со мной, сдал «стедикам» в цех, заменив его на операторскую тележку, не пролезавшую в дверь. Я назвал это самоуправством и потребовал оператора согласовать все свои действия со мной. Толя огрызнулся:

– Не кричи на меня!

– Пока я говорил тихо, мой голос не доходил до твоего сознания.

– Командовать ты будешь ……………!

Я не разобрал кем и завершил перепалку, уходя в кабинет:

– Толя, по-моему я вообще никем больше командовать не буду.

Туда же вошли Невзоров, Удовиченко и Сазонтьев, сказали, что они здесь только из-за меня терпят издевательства оператора и больше так продолжаться не может. Спокойная и всегда улыбочивая Лариса Удовиченко сказала:

– Если завтра на площадке будет Анатолий, я буду вынуждена отказаться от роли.

Жаркий денёк. Понимая, что с Анатолием я картину завалю, направился к Виктору Турову и заявил ему:

– Прошу уволить меня, ибо справиться с Анатолием я не могу. Я снимаю чужую картину на третью категорию. Контакта с оператором у меня нет и, видимо, не будет. Актёры отказываются продолжать работу, если останется Анатолий. Члены группы один за другим просят меня отпустить их, так как не могут работать с Заболоцким. Это же я высказал и директору студии Горбачёву. Целый день эта тема перетиралась между нами: мною, Горбачёвым, Туровым, Игнатъевым, Шелеховым. К вечеру Туров попросил меня отработать с Анатолием два дня, после чего он будет принимать меры. Я уговорил Ларису Удовиченко выйти завтра на съёмку и, как обычно – спокойно и весело – отработать два дня.

Становится не по себе от мысли об ответственности перед группой. Гложет сомнение: смогу ли я справиться с этим хаосом, не бездарен ли я? Судя по отснятому – бездарен: настолько всё схематично, хаотично, не выстроено... Камера дрожит и дёргается, я не наберу нужного для монтажа! Всё нужно выстраивать заново!

*25 января.*

Пересняли приход Медведева к Зуеву с ураганом. Анатолий подавленный, опущенный, безропотно подчиняющийся – больно на него смотреть и жалко его непередаваемо. Виню себя за грядущую его отставку. Не жестоко ли это? Ведь именно он, друг Василия Белова, рассказал мне о возможности снять этот фильм. Начал задумываться о возможности продолжения нашего сотрудничества, хотя результат его уже очевиден. Я могу загробить картину.

*29 января.*

Перед отъездом в Москву показал зимний материал Турову. Увиденное ему понравилось:

– Вы только начинаете снимать кино... У вас не сложились отношения с самого начала... Найдите с Толей общий язык. Прошу вас работать спокойно.

И я «работал спокойно» внешне, с непередаваемой тяжестью на душе. Было ясно, что всё останется на своих местах: контакта с оператором нет, и я не надеюсь на изменение его отношения ко мне. Как из подобного противостояния может родиться красивое творение? Буду работать ещё принципиальнее, добиваться воплощения своего видения на экране. Буду оговаривать с оператором всё до мелочей, готовить для него раскадровку и печатные пожелания по изобразительной части. Попробую откровенно поговорить с ним по отснятому материалу наедине в просмотровом зале.

В этот день в мой кабинет неожиданно вошёл министр культуры Белоруссии Е. Войтович. Вспоминая наши добрые отношения, когда он работал в Москве шефом кинопроката и помогал мне с тиражированием «Лермонтова», я поделился с ним своей тревогой. Позвонил в Вологду В. И. Белову. Он попросил найти с Толей общий язык – ведь дело-то общее. Попросил снимать «реалистический фильм». Сказал, что повторно встречался с Татьяной Дорониной, и она обещала сыграть у нас «тёщу». Я сообщил Василию Ивановичу о дошедшей до меня реакции председателя Госкино Камшалова по поводу выписывания валюты на нашу экспедицию во Францию: «Кому угодно дам, Бурляеву – не дам!» Василий Иванович обещал поговорить с ним на сессии Верховного Совета.

*1 февраля.*

Два дня смотрю материал и пробую его монтировать. Пришла новая партия отснятого – на экране темно, как у негра... Уже смешно слушать Толины объяснения, почему это так выглядит.

*4 февраля.*

Выдалась пара выходных, проведённых в забвении повседневных хлопот, сладкой беззаботности, с отключенным от мира телефоном. Лишь три часа поработали у меня с Игнатьевым и Толей: оговорили предстоящую съёмку и первоочередные дела.

*5 февраля.*

Снимали на атомной электростанции много и спокойно. Переснял практически всё. Жизнь полна на работе и вне её. «Душа светла, спокойна и чиста. Дышу весной впервые без страдания и пью росу из чашечки листа... Мне – хорошо! Я не загадывал желанье».

*6 февраля.*

Снова на АЭС. Темп работы ещё более спокойный – знал, что всё успеем снять. «Сотрудничество» вроде вошло в колею, расставилось по своим местам. Хотя работать в радиоактивной обстановке весьма непросто: атмосфера и разлитая в воздухе энергетика ощутимо давили на темечко. Атомщики со спокойным видом сообщали: «Здесь фон 200, а в том углу, где сейчас прошёл человек, – 3 000». Группа работает слаженно и легко. Однако меня не покидает тревожный вопрос: «А что в итоге будет видно на экране?» Так задымили в последнем кадре, что Грузя (Сергея Смирнова) не видно. После съёмки ужин в студийной гостинице у помощников: красивые белорусские песни, пропеты сердечно и красиво.

*9 февраля.*

Утром смотрел новый материал, отбирал дубли, монтировал. Игнатьев с Толей готовили съёмку урагана в Зуевской квартире. Пришёл в павильон, посмотрел в камеру, сказал, что аквариум с рыбками нужно разбивать на более крупном плане. Толя, как водится, начал спорить, я – как всегда, уступил, о чём вскоре пожалел, когда аквариум впустую грохнули на общем плане, после чего Толя совершил наезд на пустое место. Отныне буду добиваться того, что вижу.

Как чудесно после работы прийти в студийную баню, пожариться в привычной, тёплой компании: Гостюхин, Туров, Марухин, который с вдохновением попарил меня. А потом чай с единомышленниками. Именно в такой душевной беседе было озвучено: «До чего противно смотреть на приморские кинотусовки. Вот бы создать свой кинофестиваль для нормальных кинематографистов». С тех пор эта мысль не покидала меня, и спустя два года я объявил о рождении Международного кинофорума «Золотой Витязь».

*19 февраля.*

Материал поступает приемлемый, вперемешку с дозой брака.

Состояние души моей светлое.  
Просто взлётное, высоко парящее.  
Неужели совершилось заветное  
И явилась моя настоящая..?

Безмятежные, красивые дни. Неужто судьба выводит меня на новую дорогу и я нашёл в личном плане то, чего желал? Тогда я не мог предполагать, что вновь обманусь и спустя всего три года меня предадут за понюх табаку. Всё это было впереди.

23 июня.

Доснимаю с трудом душевным. Тяжелы контакты с непробиваемым оператором и постоянно хмельным Игнатьевым. Их вторжение в режиссуру бестактно и тяжело для меня. Но финал виден, и это – отрадно.

28 июня.

С увлечением выстраиваю «Всё впереди...» и всё больше ощущаю, что картина слагается кадр за кадром. Необходимо срочно решить проблему с композитором. Брать ли музыку Бориса Петрова или приглашать Г. В. Свиридова, Юрия Буцко или В. Мартынова. В этой последовательности и обраться к ним.

16 июля. Париж.

Позавчера, приземлившись в аэропорту «Шарль де Голь», окончательно убедился, что мы смогли вырваться во Францию. День прибытия в Париж был днём самого большого для французов праздника – День провозглашения Республики. Поселившись в хреновенькой гостинице с видом на задворки, уходящийся до умопомрачения к 22 часам по средневропейскому (24 по Москве), я решился на отчаянный поступок – пошёл с тремя актёрами (Гостюхиным, Ливановым и Пороховщиковым) пешком к главному праздничному столпотворению на Елисейских полях. Совершив многокилометровый бросок вдоль Сены, через Лувр, Нотр-Дам, площадь Конкорд, мы достигли полей Елисейских, когда многотысячная толпа потекла прочь, напраздновавшись до посинения. Весьма синенькими от усталости были и мы. То, что творилось вокруг, походило на театр военных действий, на битву при Ватерлоо: вокруг раздавались взрывы разнокалиберных петард, с частотой пулемётных очередей. Чёрные и жёлтые молодые парни забавлялись немилосердно: метали зажжённые петарды в толпу, в сидящих в открытых уличных кафе... Шипя и взрываясь, бомбы пугали людей, прожигали платья дам. Идти приходилось перебежками, брать высоту за высотой, пригибаться, уворачиваясь и отпрыгивая от пролетающих над головой и под ногами снарядов: «минёр ошибается однажды». Еле доплетаясь до Триумфальной арки, я мечтал поскорее доползти до отеля. Ноги еле передвигались, волочились, словно тяжёлые брёвна, подошвы ног стёрлись и нещадно болели. Трое бессонных суток делали всё происходящее вокруг похожим на дурной сон. Непонятно, на каких остатках жизненной энергии мы доплелись до отеля. Однако было ощутимо и удовлетворение от познания Парижа, ставшего понятным с топографической стороны.

С утра и день за днём началась титаническая съёмочная работа: в день по 150 метров! Я решил отснять всю французскую натуру за 3–4 дня. Объехав на машине основные достопримечательности Парижа: Елисейские поля, Монмартр, Монпарнас, Пляс Пигаль, Нотр-Дам, Лувр, площади Согласия, Конкорд, Вандом, собор Сакре-Кёр и т. д. С ходу утвердили всю натуру. Как дамоклов меч висело надо мной отсутствие исполнителя роли гида Мирского. Предполагаемый мной исполнитель, наш пожилой звукооператор, прочтя текст роли, отказался сниматься. На Монмартре помощник отловил и подвёл ко мне некоего плюгавенького Яшу лет 65, спросившего: «Ви русские?» Яшу я забраковал с ходу.

Впрочем, в первый день нам было что делать, и мы наснимали 150 полезных метров. Во второй половине дня мне позвонил наш французский продюсер Мухамед Исауи и сказал, что его друг режиссёр Рене Вотье (некогда снимавший многих звёзд французского кино, включая Бельмондо) согласился выделить нам время: сегодня от 19 часов и завтрашнее утро. Я срочно помчался к Нотр-Даму на встречу с артистом. Едва увидев улыбающегося, добродушного старика Рене, я просиял – Господь посылал нам спасение, идеального по облику гида Мирского. Маргарита Исауи, жена продюсера, мгновенно перевела на французский тексты Мирского. Репетируя с обаятельным и добросердечным Рене, я радовался его профессионализму и серьёзному отношению к делу: он вгрызался в текст, стараясь понять его суть, и был предельно внимателен.

Обегали с Толей весь Нотр-Дам, выбрали точки съёмки. Начали работать: определил общие и крупные планы, развёл мизансцену. Рене Вотье свободно вписался в кинопроцесс, словно всю жизнь сотрудничал с нами. Решение эпизода оформилось окончательно, когда Толя успел с рук снять проплывающее по Сене красивое застеклённое прогулочное судно. На палубе за столиками сидели радостные люди, попивали вино и, улыбаясь, махали нам руками. Запечатлев их, мы с камерой перебежали на противоположный берег Сены. Я крикнул Гостюхину и Рене, что мы должны дождаться следующего прогулочного судна, и чтобы они помахали пассажирам руками. Вскоре появился точно

такой же прогулочный теплоход, и кадр был снят. Уверен, что этот эпизод с гидом Мирским у стен Нотр-Дама станет одним их важнейших для фильма.

Неоценимую помощь оказывает нам Маргарита, жена продюсера Исауи, работая за переводчицу, за ассистента режиссёра, за администратора, за реквизитора. Перед ней отступают все, даже матёрые мафиози от секс-бизнеса: она выбила для нас право бесплатно снять вход наших героев в недра секс-шоу «Эротика» на Пляс Пигаль. Мы с ней вдвоём отправились на переговоры с хозяевами борделя. Девицы на входе молча пропустили нас к шефу. За стойкой бара в тёмном зале с ярко освещённой сценой сидел жирный тип с лицом блудного сына Сиона и повадками азиатского мафиози. С ходу уловив наше желание, он сказал, что не возражает, если я поставлю ему бутылку их же шампанского. Он протянул нам меню и ткнул пальцем в стоимость бутылки в 1 900 франков (2 000 рублей по-нашему). Маргарита добилась беседы с более «высоким начальником». К нам вышел низкорослый восточный типаж, чем-то похожий на бывшего режиссёра цыганского театра «Ромэн» Семёна Баркана. После 15-минутных переговоров, выпытав всю нашу подноготную, он сжалился и сказал, что он знает «советских» и по доброте душевной впускает наших спортсменов бесплатно.

После ночной съёмки сцен в гостинице мы с Игнатьевым, Толей и Маргаритой под водительством Эдуарда выехали в Марсель. Давненько я так много не колесил: за двое суток мы намотали около 2 000 километров. Пересекли почти всю Францию с севера на юг. Дорога – скатерть. Эдуард вёл микрик «Ситроен» со скоростью 130 в час. Температура за бортом – плюс 32 градуса. На дорожных табло мелькают названия населённых пунктов: Лион, Арль, Авиньон, Гренобль, Бургонь, Женева, Дижон, Нанси, Безансон, Санлис, Фонтенбло, Орлеан, Версаль, Руан, Шартр, Лиль. Промчались вдоль реки Роны, по живописному Провансу. Могли и в Канны завернуть, и в Ниццу, но времени на это не было. До Марселя добрались к 23 часам. Остановили на малолюдной улочке пару старичков-супругов, чтобы расспросить об интересующих нас в Марселе местах. И эти первые встречные люди – полуслепой, полуглухой судья на пенсии Филипп Лай и его жена – стали нашими марсельскими ангелами-хранителями. Они с готовностью вызвались познакомить нас с городом. Сели в нашу машину и показали интересующий нас порт, подняли в гору к собору Нотр-Дам-де-Марсель, откуда открылась сверкающая огнями панорама Марселя.

Старички пригласили нас к себе в гости, принялись радушно угощать вином, пивом, соками, фруктами. Предложили оставить у себя двух ассистентов оператора с киноаппаратурой. Месье Филипп проследовал с нами в двухзвёздочный отель «Mariet Pasha», где снял для нас за свой счёт два номера. Утром покормил нас у себя дома завтраком и помчался с Маргаритой в мэрию и полицию выбивать разрешение на съёмку. Он активно помогал нам во всём: и возле камеры, и в переговорах с настоятелем собора. Заметив, что я изнываю от жары, порывался купить мне от солнца бейсболку. Я еле отговорил его. После съёмок месье Филипп пригласил нас к себе на обед и купил нам в дорогу вкусную пиццу. Мы тепло простились с нашим неожиданным и бескорыстным марсельским «генеральным директором». Не перевелись ещё в мире добрые люди.

*21 июля.*

В Париже выдался первый свободный день. Жара страшная – плавится асфальт. Попросил Маргариту и водителя Эдуарда отвезти меня на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где упокоился мой дорогой Андрей Тарковский. Проехали за город по солнцепёку 60 километров по «последнему пути» многих наших соотечественников. Цветов по дороге не попалось, посеми тайком сорвал с клумбы у кладбищенской ограды красный цветок. Мои спутники сопровождали меня до могилы Андрея, постояли немного и отошли, оставив меня одного. Присел подле могилы на самодельную скамеечку под юным клёном. Смотрел на рыжий деревянный крест, подпёртый у основания камнями, на металлическую табличку с трудом различимым именем и датами рождения и смерти. На пыльных тарелочках вдоль всего бетонного плитуса, ограждающего могилу, – два десятка цветочных горшочков с засохшими растениями, семь больших горшков с более высокими засохшими растениями, нещадно палящее солнце... Всё вокруг чужое... Что ты здесь делаешь, Андрей? Почему ты не в России? Сидя в тишине и одиночестве я беседовал с Андреем по душам, ощущая в сердце печаль и вместе с тем свет и покой. Я всегда любил тебя, Андрей, и пока ты жил, и теперь, когда ты перешёл в Вечность, моё отношение к тебе не изменилось. Я молюсь о тебе каждый день – ты постоянно в моём сердце и сознании. Печалила меня твоя нетерпимость, но ныне и это не важно, ибо ты перешёл в Царство терпимости и гармонии, которую ты так искал всю жизнь.



Полил засохшие цветы в горшочках, поставил в бокальчик свой аленький цветочек и... простился с Андреем до встречи на Небесах. Захватив с могилы Андрея шишку, пошёл на выход. По пути поклонился Бунину, подняв с его могилы пучок хвойных игл... Сергей Булгаков одарил меня жёлтым листком... У могилы моего старого друга писателя Виктора Некрасова сорвал с дерева листок зелёный. Куда ни помотришь – всюду фамилии цвета Русского народа: Иван Шмелёв, князь Лобанов-Ростовский, князь Гагарин, барон Врангель. В церкви затеплил свечу за Андрея и всех страдальцев, упокоившихся в земле Франции. Побеседовал со служителем церкви отцом Сеоанном. Старенький, сухопарый, загорелый, с утомлёнными очами, в пыльном подряснике, с шарфиком, заткнутым за ремень, он готовился к отъезду на своём выдавшем виды мотороллере. Живёт здесь уже 42 года и знает об истории кладбища и русской эмиграции, кажется, всё. Слушать бы да слушать, но пришлось протиться, так как мои спутники заждались меня за оградой.

К полуночи выбрался побродить около гостиницы, на площади Республики и окрестностях. Через каждые три шага ресторанчики, столики шеренгой тянутся вдоль тротуара. Интернациональная разноцветная публика, поглощающая различные блюда и напитки, глазающая на прохожих. Возбуждающие аппетит запахи устриц, крабов, омаров, ветчины, соусов, дымящегося мяса.

Моя жизнь в Париже весьма экономная: бульонно-консервная. В номере попил пустого чая, посмотрел дебильное французское телевидение: вестерны, обнажённые теле-плейбойные девицы, рок, юмор ниже плинтуса, выстрелы и акты без антракта. Надоело – посплю перед распахнутым на парижские крыши окном. Засыпал под звуки улицы, шуршание машин, вой полицейских и медицинских сирен.

*22 июля.*

Выдающееся, радостное событие: встреча с Лувром. Маргарита с Эдуардом подвезли меня к музею, перед которым в 40-градусном, палящем зное изнывала и плавилась, извиваясь бесконечной лентой, разноплеменная очередь. Едва успевал за Маргаритой, летящей поверх барьеров туда, куда нельзя, – вонзились в Лувр не через «вход», а через «выход». Русская наглость была настолько непредсказуемая, что нас не посмели остановить. Условившись встретиться через три часа, я в одиночестве предался Лувру. Направился прямо на встречу с Джокондой. Найти её не составило труда, так как указателей с портретиками Моны Лизы и стрелочек, ведущих к ней, было с избытком.

Перед бессмертной картиной Леонардо было наибольшее скопление людей, однако для русского режиссёра не составило большого труда протиснуться к ограждению и встать в полутора метрах от пуленепробиваемого стекла саркофага.

Я простоял подле Джоконды около двух часов, понимая тех, кто описывал свои часовые стояния подле этого чуда. Только теперь, на 43 году моей жизни, просмотрев сотни репродукций Моны Лизы, при очном свидании с ней я смог постичь тайну, заключённую в портрете. Первое, на что сфокусировалось внимание, – её руки: живые, нежные, трепетные. Впрочем, живым в этом творении было всё! Всматриваясь в левую часть её лица – я видел добрую, озаряющую, всепрощающую полуулыбку. Переместив фокус на правую часть лица, я увидел мудрое понимание человеческого бренного существования и ободрение смотрящих на портрет прошлых и нынешних поколений. Картина построена по законам триединства мира: явь-дух-новь. В левой части полотна – змеёй извивается дорога жизни, прорубающаяся среди препятствующих прямому движению гор. Дорога эта перетекает в реку жизни и смерти, в Лету, которая устремляется в Океан. Над главою Джоконды пространство Вечности: Небо, Космос. Руки с нежными разъятыми пальцами, скрещёнными на животе, охраняют чрево, способное плодоносить. Картина – само совершенство: проработан каждый миллиметр живописного пространства: никаких резких линий, атомы красок незаметно перетекают один в другой, образуя гипнотическое воздействие на смотрящего. Два часа меня обтекали люди: снимающие на фото и видео. Они то рассасывались до десятка, то скапливались до сотни человек, а я всё стоял и смотрел на Джоконду, не в силах прервать контакт с нею, с Леонардо, с теми, кто стоял пред этим великим творением рук человеческих на протяжении веков. Я опирался на то же отполированное перильце, которое сохраняло в себе прикосновение ладоней Тарковского, Бондарчука, Бунина, Шмелёва, Некрасова и многих других людей, которых уже нет на свете. А Джоконда пятое столетие несёт свой свет новым поколениям, излучая покой, знание Истины, добро, гармонию, и нет в ней никакой иной, сомнительной «тайны».

которую выискивают отдельные «специалисты Леонардо-еды». Есть абсолютно величайшее, космическое творение Леонардо да Винчи. Взирая на Джоконду, я лучше понимал себя, находил подтверждение правоты избранного мною жизненного пути, своих постижений, понимая, что всё – впереди и, возможно, Господь подвигнет меня на главные свершения. Недалёкие циники-туристы подле меня хихикали: «Нина Риччи», – намекая на то, что лик Моны Лизы украшает рекламу этой фирмы. Я неотрывно продолжал смотреть на портрет, постигая своих близких, находящихся сейчас за тысячи километров от меня: каждый из них незримо, духовно присутствовал рядом со мной. Джоконду можно понять, лишь имея в душе идеал Женщины. Мона Лиза покорна своему земному творцу Леонардо да Винчи, подарившему ей бессмертие. Возможно, этой женщиной прежде обладали другие, и она дарила им себя, но постиг её суть, одухотворил и вознёс, сделав символом Женщины, – Леонардо. Грязные намёки Фрейда на «голубизну» Художника – плевок, не попадающий в цель, ибо Джоконда свидетельствует о любви, о мужском проникновении Художника в её душу. Джоконда парит над падением женщин в дьявольские силки эмансипации, которая якобы раскрепощает женщину, на самом деле порабощая её самостью, лишая женской сути. Джоконда, парящая над земным временем, призывающая блудных дочерей к Идеалу, добрая и возвышающая, – является духовным причастием, очищением миллионов душ. Не это ли цель истинного Искусства?

Однако было пора отрываться от картины, чтобы за оставшийся час посмотреть остальные залы. Джоконда последний раз добро, ободряюще улыбнулась мне, как ободряет и каждого, оставаясь неприкосновенной. Я невольно перекрестился, почему-то перекрестил Джоконду и отошёл от картины. Далее я едва не бежал, скользя глазами по творениям великих художников Итальянского и Фламандского Возрождения: Перуджино, Тинторетто, Боттичелли, Рембрандт, Караваджо, Рафаэль... Всё, что я видел после Джоконды, – всё меркло в сравнении с ней. Последние залы «современного искусства» повергли в ужас: бездарные, гнусные инсталляции, позорящие Лувр: скомканная газета, пепельница, полная окурков, и кусок коричневого дерьма... Вот до чего докатилась «цивилизация». И эти ничтожные современные «творцы»-бизнесмены с гордостью говорят: «Мы выставлены в Лувре рядом с Леонардо!»

На последний съёмочный штурм выехали в 17 часов. Вместе с Маргаритой обежали несколько подъездов на Пляс Пигалъ, в поисках окон с видом на Мулен Руж, звонили в двери – хозяйева словно вымерли: в июле Париж «на каникулах». Наконец нам повезло: на верхнем этаже нас впустили в квартиру, разрешили мне посмотреть из окон на улицу. Маргарита сказала, что она переводчица советской киногоруппы, а я режиссёр фильма и мне нужно 10 минут, чтобы снять план из их окна после 22 часов. Район бандитски-мафиозный, но наш творческий тандем, видимо, внушил доверие 60-летней чете Жана-Клода Кальмеля, который откликнулся на нашу просьбу.

Перебрались к мосту Александра III, спокойно и весело сняли пару крупных планов, туравтобус, проезжающий по мосту, и (на сладкое) запечатлели два прогулочных катера, словно специально для нас живописно встретившихся на Сене, под Александровским мостом.

Ровно в 22 часа мы поднялись к супругам Кальмель с операторской группой. Жан-Клод с неослабевающим радушием отодвинул от балкона свой рабочий стол, и Толя снял пейзаж с вечерним Мулен Ружем. Супруги Кальмель ни за что не хотели отпускать нас, раскупорив бутылку шампанского (2 000 франков!). На прощание Жан-Клод, сотрудник фирмы «Рено», подарил каждому по брелочку своей фирмы. Спустились на улицу и на остаток плёнки сняли неоновую рекламу шоу «Эротика». Экспедиция во Францию завершена! Всё произошедшее здесь превзошло мои ожидания.

К полуночи, возвратившись в отель, Маргарита и Эдуард пригласили всю нашу группу в кафе и вручили каждому по сувениру, купленному ими на личные средства.

*23 июля.*

Утром у отеля простились с группой, отбывшей в аэропорт, и остались в Париже втроем с Игнатьевым и Толей. Два дня свободного познания Парижа, блуждание по улочкам и магазинам, благо продюсер Исауи выдал нам по 250 франков. Днём покормил в своём номере Маргариту и Эдуарда растворимым бульоном и белорусской тушёнкой, вызвавшей их восторг. После «обеда» отправились на автомобильную прогулку по Парижу. Постучался в дверь дома Виктора Гюго – нет дома! Побродил по Пляс Вож, под сводами, помнящими его шаги. Проехали по ещё более древним

закоулкам Бурбонов, вдоль домиков конца XVI века, стоящих на берегах Сены, напротив Нотр-Дам, с огромным полыхающим над собором красным солнечным шаром. Париж – живой город-музей, куда ни помотришь – чудеса архитектуры: Пантеон с останками Наполеона и «великими людьми отечества»... первая Парижская стена XII века... Люксембургский сад... театр «Комеди Франсез»... Эйфелева башня... мост Инвалидов, Александровский мост... площадь Конкорд, с которой мы снимали Елисейские поля и Триумфальную арку... Лувр, тюрьма де Темплъ, приютившая перед казнью Марию-Антуанетту с детьми... дома Стендаля и Золя...

К концу поездки выяснилось, что наш водитель Эдуард – бывший масон, прошедший обряд посвящения. Эдуард с воодушевлением прочитал нам лекцию о братьях франкмасонах, об их добрых деяниях: строительстве Нотр-Дам и многих архитектурных памятников. Сообщил, что, если придёшь на приём без положенного галстука – последует наказание: денежный штраф или чёрные работы, что все ложи секты разделены по профессиям и тебе вешают ленту с указанием оной и мест, где ты работал.

Вернувшись в отель, столкнулся с Толей, Игнатьевым и сопровождавшими их кинорежиссёром Отаром Иоселиани и художником Борисом Заборовым, давно живущими в Париже. Мы с Отаром, которого я давно знаю, тепло поздоровались.

– Как у тебя жизнь? – спросил Отар.

– Хорошо, сложно, как и у всех нынче... А ты побелел...

– Когда постареешь, – улыбнулся Отар, – многое начинаешь понимать.

Отар дал мне свой телефон и попросил позвонить ему завтра. Прощаясь, я перекрестил его, а он – меня.

*24 июля.*

Вечером позвонил Отару. Он пригласил к себе, объяснив, как добраться до него на метро: направление на «Понт де Левальюз», четвёртая остановка «Сентьер», далее немного пройти по улице Птит Коро, свернуть вправо на улицу Тикитон, а там и его дом 62. Истратил последние 10 франков на метро, не без удовольствия совершая поездку в неизвестность, в вечернем почти пустом вагоне. Без паники немного заблудился, поплутал по улочкам, спросил официанта в ресторанчике, как пройти к «Рю Тикетон». В объяснении приняли участие и два посетителя, и сам хозяин кабачка. Наконец – вот он, дом 62. Мужчина и женщина, стоящие у открытой двери, видя мои размышления, куда идти, спросили – кто мне нужен.

– Месье Отар.

– А, месье Отар, – воскликнули они и направили по длинному коридору к подъезду «D».

Отар радушно впустил меня в свою обитель, провёл в гостиную-кабинет со столом, сплошь уставленным двумя десятками бутылок спиртного, с баром и диваном, прикрытым ковром и дюжиной подушек и отделяющим кухню. В углу на невысоком подиуме рабочий стол с телефаксом.

– Что будешь пить?

– Сок или воду.

– Хочешь устриц?

– С удовольствием.

Спустились на улицу в один из ближайших ресторанчиков «L, ANKRE DE VATTIER». Почти сразу принесли гору устриц на подносе со льдом, соус, лимоны, хлеб, сок, кофе. Впервые в жизни и не без удовольствия выковыривал из раковин устрицы, поливая их лимоном и соусом. Несмотря на экзотику ощущений – блюдо вкусное. Я откровенно говорил Отару об атаке «коллег» на моего «Лермонтова» и о картине, которую я снимаю сейчас.

– Если ты считаешь, что делаешь правильно, – спокойно работай, – сказал мне классик грузинского и советского кино Отар Иоселиани. – Главное, не примыкать ни к каким бандам.

Отар поведал мне из первых уст о жизни и смерти Андрея Тарковского во Франции. О «каннском инциденте», когда «окружение» Андрея натравило его на С. Ф. Бондарчука, убедив в том, что КГБ и Госкино послали С. Ф. Б. в жюри Каннского фестиваля специально, чтобы не дать Тарковскому приз. Отар сказал, что тогда многие утверждали эту версию.

Отар даже задал этот вопрос одной из членов жюри, на что получил ответ:

– Бондарчук в жюри ничего не говорил о фильме. Если бы он говорил о фильме отрицательно, это лило бы воду на мельницу Тарковского.

Отар передал слова члена жюри Андрею. Тот выслушал и задал вопрос своей супруге Ларисе:

– Вот видите, Лариса Пална, что говорит Отар...

На что получил её отпор:

– Я знаю, Бондарчука послали...

Сейчас Лариса живёт в квартире продюсера Андрея, получая за Тарковского пенсию, ни копейки не платя за услуги и не думая съезжать. Съехал сам продюсер, который пребывает в шоке. На совет Отара подать в суд он ответил:

– Пусть живёт. Если попрошу освободить квартиру, вони будет ещё больше.

Отар сказал, что Лариса правила всей экономикой, всеми деньгами Андрея. Он рассказал, как принималось решение оставить Андрея за границей, как внезапно вокруг Тарковского сплотилась «могучая кучка»: Лариса, Максимов, Ростропович и К\*, под напором которых он принял роковое решение, стоившее ему жизни.

– Денежное вознаграждение режиссёру за фильм здесь очень большие деньги... Очень большие. А по советским правилам Андрей должен был отдать государству 50 %. Для «окружения» Андрея это было решающим аргументом.

Отар пообещал помочь мне с прокатом «Лермонтова» и «Всё впереди» во Франции и других странах. Далеко за полночь мы тепло простились с Отаром. Добравшись до отеля, я с удовольствием упаковал чемодан и предался последнему в Париже «морфею». Господи, как хочется домой!

*3 сентября.*

Вот и пролетело моё 44-летие. Вчера прибыл в Москву на запись музыки к фильму, написанной Андреем Головиным. Картина стремительно близится к завершению. Провёл озвучание. Практически завершил монтаж. Всё глуше шум интриг за моей спиной. Уже не так волнуют потуги моих «соратников» помонтировать за меня мою картину. Игнатъев наведывался в монтажную: «Пусть он пока побалуется, а потом мы перемонтируем...»

Даже Виктор Туров на ходу бросил реплику монтажёру Ренич: «Может, мы с тобой скоро встретимся за столом, помонтируем “Всё впереди”». Толя под занавес выкинул ещё пару фортелей: отказался доснимать нужные для финала кадры, мол, «вот придет Белов, и тогда... Может, вообще всё нужно закрывать! Вы слишком отступили от автора».

Автору сценария Мише Шелехову, заикнувшись о том, что в титрах останется только его (Шелехова) имя, Толя сказал: «В авторы метишь?! Всё останется как есть!»

То есть и он, оператор Заболоцкий, не имеющий никакого отношения к сценарию, станет его «автором».

Услышав это, я попросил Турова оставить в авторах только Мишу Шелехова, хотя всё написанное мы оговаривали с ним вдвоём.

*13 сентября.*

Сегодня показали фильм В. И. Белову и худсовету студии. Василий Иванович обнял меня и с иронией произнёс:

– В джинсовом ходишь?

Через несколько минут после начала просмотра Василий Иванович, за реакцией которого следили все, трижды мотнул голову в мою сторону, громко спросил:

– Кто писал сценарий?!

Все в зале напряглись.

Однако до конца просмотра Василий Иванович больше не проронил ни слова. Молча перешли из зала в кабинет Турова и расселись по кругу 20 «соратников». Как был прав Пушкин, восклицая: «Господи, спаси меня от друзей, а с врагами я справлюсь сам!» Как же мучительно творить в компании стольких «единомышленников». Легче мне было создавать «Лермонтова», организовывая работу почти 5000 человек. Там я был единственным ответственным за результат, и никто мне не давал указаний, что и как снимать. «Соратники», зная о моих непростых взаимоотношениях с оператором и понимая, куда дует ветер: то, что Толя Заболоцкий вызвал из Вологды автора, с которым он дружен, для решительных мер, начали высказываться один за другим, по часовой стрелке, почти единодушно высказывая опасения за картину, за монтаж. Толя прямо заявил: «Набор сцен! Я бы её заново смонтировал!»

Настало время говорить В. И. Белову, все ждали его приговора.

– А картина-то получается, – неожиданно для всех сказал автор и высказал ряд дельных замечаний.

После худсовета повёз Василия Иваныча и Мишу Шелехова ко мне обедать. Хорошо закусили в тёплой атмосфере, расслабляемой присутствием моей дочери Машеньки. Потом вернулись на студию и часа три сидели за монтажным столом. Василий Иванович предложил 36 поправок, 30 из которых я принял безоговорочно. Он категорично попросил поставить имя Толи в соавторы сценария, на что столь же категорично возразил Миша Шелехов: как возможно рваться в авторы, никак не участвуя в его написании?

Василий Иваныч был противоречив: то жаловался, что кинематографисты всё время портят его произведения, «вот и вы хотите...», то говорил: «Картина будет хорошей». То скажет: «Артистка играла плохо, но сцена хорошая», то вдруг обиженно встанет с кресла на эпизоде в подвальном кабаке-притоне с обнажёнными девицами: «Я сказал, что не хочу смотреть эту сцену». Однако, сделав пару шагов к двери, он остановился и выслушал аргументы за оставление этой важной для фильма сцены, в которой я сознательно создал атмосферу исчадия ада, обступившего героя-Гостюхина.

Прощались тепло: Василий Иванович обнял меня и поздравил с достойной картиной.

*1 октября.*

Сдал «Всё впереди» худсовету студии. На первых минутах обсуждения атмосфера была отравлена темой «авторства сценария». Миша Шелехов, действительный автор сценария, мог бы коснуться этого вопроса в более узком кругу. Как надоели наши российские междоусобицы, раскол, претензии друг к другу. Неужели это неискоренимо на Руси? Однако худсовет принял наш фильм хорошо и единодушно.

*2 октября. Москва.*

Сдача картины в Госкино СССР. Обычно присутствует человек пять, а тут набежали все 25. Смотрели молча, в одном месте посмеялся лишь Аристарх Ливанов. По окончании просмотра ко мне подседа член худсовета критик Валентина Кузнецова и шёпотом сказала:

– Ну, мы принимаем фильм... Картина человеческая. Правда, некоторые линии стали менее проработанными, чем в романе. Фильм мы принимаем. Правда, у вас будут оппоненты.

Вечером показал картину на «Мосфильме». В маленьком просмотровом зале монтажного корпуса собралось человек 30. По окончании просмотра некоторое время все молчали. Потом начали высказываться, и это первое обсуждение было душевным и эмоциональным. Кто-то сказал:

– После просмотра этой картины люди будут выходить молча... и думать...

*6 октября.*

Вернувшись в Минск, я ещё три дня чистил и подмонтировал картину. Может, я сам виноват, допустив своим мягким отношением то, что многие сочли возможным сесть мне на шею. Вот и сейчас, на финишной прямой, попробовала сесть мне на выю монтажёра Лидия Ренич. Последние три дня работал с ней, включив режиссёрскую волю.

Смотрел передачу об американском пасторе, в которой он сказал, нужно написать 10 пунктов самых заветных своих желаний и тем приблизить их осуществление, что я и сделал, записал всего пять желаний:

Соединить воедино близких людей.

Написать сценарий о Сергии Радонежском.

Снять фильм о нём.

Создать свою кино-видеостудию.

Создать свой кинофестиваль.

Посмотрим, что удастся сделать. Всё – впереди.